НОВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА

Г. ИСАКОВА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. ЕФРЕМОВА.

Письмо въ редакцію.

Начавъ просмотръ новаго изданія Пушкина, мы были удивлены, какъ и многіе другіе прежде насъ, тономъ ожесточенной полемики, какую г. редакторъ открылъ, съ первыхъ же страницъ своихъ примѣчаній къ стихотвореніямъ поэта, противъ стараго изданія сочиненій Пушкина 1855 года, вышедшаго подъ редакціей П. В. Анненкова. Чѣмъ дальше слѣдили мы за указаніями, толкованіями, выходками г. Ефремова, тѣмъ болѣе убѣждались, что вся эта работа униженія стараго изданія 1855 г. безъ мѣры и часто безъ всякой причины—не имѣетъ ничего общаго съ критическимъ изслѣдованіемъ его достоинствъ и недостатковъ, а направлена къ тому, чтобы особенно отрекомендовать новое предпріятіе въ томъ же родѣ, давно ожидаемое публикой. Всѣ усилія г. Ефремова клонятся къ тому, чтобы заставить забыть досадное старое изданіе, изгладить о немъ память въ литературѣ, умалить или вовсе удалить воспоминаніе о всемъ томъ, что оно *впервые дало или впервые изслѣдовало*. Отыскавъ правильную точку зрѣнія на библиографическія изысканія г. Ефремова, какъ на бойкую литературную рекламу, намъ уже легко становится признать ея достоинства. Реклама отличается замѣчательной ловкостію, изобрѣтательностію мотивовъ и неожиданностію заключеній, а если она не всегда отвѣчаетъ истинному положенію дѣла, то кто же станетъ требовать отъ рекламы правильной и добросовѣстной оцѣнки чужого труда? Но, признавая вполнѣ законность литературной рекламы и въ настоящемъ случаѣ искренно желая ей успѣха, если она поможетъ увеличить число читателей и поклонниковъ Пушкина, мы должны, однако же, замѣтить, что есть предѣлы для рекламы, которые ей не слѣдовало бы переступать въ виду даже сохраненія своего обаянія. Чего только не наговорилъ г. Ефремовъ и на себя, и на предшественниковъ своихъ въ двухъ первыхъ томахъ новаго сборника на 70-ти и на 42-хъ страницахъ своихъ примѣчаній, къ нимъ приложенныхъ. Дѣло доходить у него до азарта и до бурьезовъ, способныхъ смутить самаго довѣрливаго читателя. Онъ аттестуетъ, напр., прежняго издателя „Сочиненій Пушкина“ 1855 года, человѣкомъ, *крайне небрежно* пользовавшимся драгоценными рукописями поэта, которыя находились въ его рукахъ

поверхностно, а не построчно сличавшимъ тексты, безграмотно прочитавшимъ нѣкоторые стихи, и проч. (Т. I, стр. 509). Поводы къ составленію подобнаго приговора дотого мелки, что разладъ между ними и непомято-торжественными и суровыми заключеніями судьи могъ бы привести въ недоумѣніе, если бы мы не знали источниковъ этого разлада. Большою частію поводы эти заключаются въ описахъ и опечаткахъ, которыя въ первомъ систематическомъ изданіи сочиненій Пушкина, при разборѣ многочисленныхъ документовъ, до нихъ относящихся, были почти неизбежны. Впрочемъ, винить въ легкомысліи г. Ефремова нельзя: онъ зналъ, что дѣлалъ, когда рѣзкостію выраженія надѣялся отвести глаза читателя отъ ничтожества своихъ замѣтокъ и укрыть за ними собственные свои промахи, которые уже менѣе извинительны, чѣмъ погрѣшности первоначальнаго изданія 1855 г. Также точно нельзя вмѣнять ему въ преступленіе и хвастливое возглашеніе на весь читающій русскій міръ о каждой переиѣ въ текстѣ, о каждой незначительной добавкѣ къ нему, какія онъ почелъ за нужное сдѣлать: обязанности редактора были бы очень тяжелы, если бы исполнять ихъ скромно, какъ призваніе. Гораздо менѣе извинительны нѣкоторые сужденія и афоризмы г. Ефремова, похожія на странности. Такъ, одна мелкая добавка къ раннему лицейскому стихотворенію Пушкина (о лицейскихъ пьесахъ всего болѣе и хлопочетъ г. Ефремовъ) вызвало у него замѣчаніе: „Г. Анненковъ, хотя имѣлъ рукопись, исправленную Пушкинымъ для изданія 1826, но обратилъ вниманіе только на поправки поэта, а не прочелъ *всего* стихотворенія“ (Т. I, 516). По этому опредѣленію выходитъ, что г. Анненковъ отперлъ секретъ вводить поправки въ стихотворенія поэта, не читая послѣднихъ вовсе. Эта удивительная мысль не просто сорвалась съ языка у г. Ефремова: онъ повторяетъ ее въ различныхъ вариантахъ на разныхъ пунктахъ своихъ примѣчаній: такъ она ему полюбилась. Рядомъ съ нею можно поставить слѣдующій отзывъ. Не находя въ одной пустой стихотворной запискѣ Пушкина къ пріятелямъ (изъ 7-ми строкъ) послѣдняго стиха, вѣроятно, и не стоявшаго въ рукописи поэта, г. Ефремовъ пеняетъ г. Анненкову, впервые напечатавшему отрывочекъ, почему онъ не упомянулъ о недостающемъ стихѣ (Т. I, стр. 553). О чемъ же было упоминать, когда дѣло само по себѣ представлялось достаточно яснымъ, а надобности въ библиографической болтовнѣ для пущей важности совсѣмъ не требовалось. Правда, что и здѣсь встрѣчается оправданіе для г. Ефремова. Онъ не могъ подавить въ себѣ рвенія бросить еще одинъ лишній разъ злобный укоръ, хотя бы и маломотивированный, старому изданію 1855 г., которымъ онъ, однако-жь, въ теченіи работы, пользовался весьма усердно: платить за услугу

оскорбленіемъ, когда рѣчь коснулась этого изданія, сдѣлалось потребностію его нравственной природы. Для удовлетворенія ея, онъ оказался способнымъ позабыть навремя даже и современную нашу исторію и вотъ что пишетъ по поводу пьесы Пушкина: „Пажъ, или 15-лѣтній король“, въ которой „нашелъ пропуски, сдѣланныя посмертнымъ изданіемъ“, прибавляя къ тому: „о чемъ г. Анненковъ, видѣвшій подлинную рукопись, вовсе не упомянулъ, а это при его обычаѣ постоянно указывать пропуски, сдѣланные самимъ поэтомъ или редакторами посмертнаго изданія и *постоянно же* умалчивать о цензурныхъ исключеніяхъ, даетъ поводъ полагать, что строфы эти не явились по особымъ причинамъ“ и т. д. Можно подумать, что въ 1853—54 году, когда изготовлялось старое изданіе, молчаніе о цензурныхъ исключеніяхъ исходило просто изъ обычая, усвоеннаго редакторомъ и зависѣло отъ его доброй воли! Но стоило-ли думать о подобныхъ мелочахъ?

Критическій анализъ различныхъ редакцій пушкинскаго текста замѣчательнъ еще у г. Ефремова и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Ни у одного комментатора произведеній знаменитыхъ авторовъ нельзя найти столько игривости, такого расположенія къ шуткѣ и фельетонной шалости. Обширная сѣть цитатъ, выписокъ, поправокъ его, вся пропитана, за малыми исключеніями, блестящими сомнительнаго остроумія, фальшивой ироніи. Онъ умѣетъ высказывать длинныя замѣчанія тономъ водевиллиста и можетъ быть по справедливости названъ творцомъ новаго рода увеселительной библиографіи. Повидимому, приемы эти ему были нужны въ видѣ вознагражденія читателя за пустоту многихъ его соображеній. Нужно-ли, напримѣръ, г. Ефремову указать на ошибку извѣстнаго библиографа В. П. Гавескаго, полагавшаго, что одна эпитаграмма дяди нашего поэта Вас. Льв. Пушкина имѣла въ виду знаменитаго его племянника Алекс. Серг. Пушкина, г. Ефремовъ дѣлаетъ свое указаніе въ слѣдующей формѣ: „*Сомнительно*, чтобы Вас. Льв. (Пушкинъ—дядя), могъ написать эпитагму на неродившагося еще племянника, ибо она напечатана въ 3-й книгѣ Аонидъ на 1799, а поэтъ родился только въ маѣ этого года“ (Томъ II, стр. 430). Это прелестное „сомнительно“ окрашиваетъ простую замѣтку въ пріятный ругательный цвѣтъ. Въ другой разъ, по поводу шуточной пьесы Пушкина „Ода гр. Хвостову“, редакторъ безъ всякой причины и какой-либо связи съ произведеніемъ, бросаетъ комовъ грязи въ г. Гербеля, издателя Шиллера и Шекспира въ русскихъ переводахъ (Т. I, стр. 569). И сколько такихъ юмористическихъ блесковъ разбросано г. Ефремо-

вѣмъ по всѣмъ частямъ и составамъ его труда. Зачѣмъ все это, и главное, у мѣста-ли въ изданіи классическаго писателя?

Роли редактора произведеній великаго отечественнаго дѣятеля г. Ефремовъ совсѣмъ не понимаетъ. Онъ перенесъ въ строгую область библиографическихъ и филологическихъ изслѣдованій говоръ пріятелей, личныя свои предрасположенія и проч., безцеремонно перемѣшавъ все это съ прямой своей задачей—возстановленія правильнаго чтенія Пушкинскихъ произведеній. Онъ точно обрадовался возможности показать себя въ качествѣ публициста, умѣющаго построить за свои опредѣленія, хотя бы и подсказанныя капризомъ мысли. На почвѣ сравнительной критики текстовъ и подъ покровомъ великаго имени художника, идетъ у него мутная волна какихъ-то страстей и расчетовъ. У подножія величаваго образа Пушкина, раздаются задорные крики, шумъ полемическихъ гиперболей, неумѣренныхъ словъ, которые возбуждаютъ невольнo вопросъ: въ чемъ состояла цѣль новаго изданія—въ добросовѣстномъ-ли поясненіи пушкинскихъ текстовъ, или въ доставленіи средствъ развернуться на дорожкѣ безцеремонному балагурству его редактора?

Въ числѣ пріемовъ, употребляемыхъ г. Ефремовымъ, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ упомянутомъ уже вѣще постоянномъ его обычаѣ возводить въ литературныя преступленія простыя типографскіе недосмотры, явныя описки, иногда спорную разстановку запятыхъ (Т. I, стр. 515, 516). Расчетъ вѣренъ: чѣмъ страшнѣе покажется вина, тѣмъ почетнѣе сдѣлается ея обличеніе. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ г. Ефремовъ встрѣчаетъ промахъ, часто требующій одной черты карандаша для полнаго исправленія своего, онъ торопится принять вѣжливую позу спасителя пушкинской мысли, мстителя за нанесенное ей оскорбленіе, хотя дѣло обыкновенно идетъ о словахъ, букввахъ, перестановкѣ фразъ и т. п. Ревность о чистотѣ текста служитъ тутъ предлогомъ для тщеславной потѣхи. Редакторъ устраиваетъ себѣ нѣчто подобное судейской каюцкѣ, съ высоты ея судить весь литературный міръ и всѣ публикати о Пушкинѣ, за ихъ корректурныя, орфографическія и издательскія прегрѣшенія. Но самая большая часть суровыхъ приговоровъ редактора опять-таки падаетъ на долю стараго изданія Пушкина 1855 г.; поэтому мы и осуждены поневолѣ, безпрестанно обращаться къ его толкованіямъ на изданіе 1855, такъ какъ въ нихъ-то именно заключаются наиболѣе крупныя перлы его комментаторской дѣятельности.

Въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ 1855, г. Анненковъ приводитъ цитату въ *четыре* стиха изъ превосходнаго сти-

хотворенія „Наперсница волшебной старины“, имъ же и найденнаго и впервые опубликованнаго. Къ сожалѣнью, второй стихъ цитаты онъ, по недосмотру, написалъ такъ: „Мой юный умъ напѣвами плѣнила“, вмѣсто: „Мой юный *слухъ*...“, какъ слѣдовало бы и какъ значится дѣйствительно въ пьесѣ, цѣликомъ приводимой черезъ нѣсколько страницъ г. Анненковымъ въ тѣхъ же своихъ „Матеріалахъ“. Ошибка въ цитатѣ даетъ г. Ефремову случай показаться въ полномъ блескѣ библиографической эрудиціи своей и приступить къ довольно забавному слѣдственному процессу. Онъ задается вопросомъ—не было-ли двухъ списковъ стихотворенія и порѣшивъ его отрицательно, переходитъ къ главному пункту обвиненія: „Кромѣ того, г. Анненковъ, повидимому, плохо читалъ или плохо переписывалъ рукописи поэта для изданія, потому что нерѣдко одно и то же стихотвореніе воспроизводилось въ разныхъ мѣстахъ изданія въ разныхъ же видахъ“ (I, 509). И затѣмъ слѣдуетъ указаніе ошибки. Какимъ образомъ на примѣрѣ одной погрѣшности въ цитатѣ изъ 4 стиховъ, отъятой отъ пьесы, имѣющей ихъ 26, г. Ефремовъ могъ придти къ заключенію, что старое изданіе 1855 года печатало цѣльныя стихотворенія, съ одного и того же списка, разное въ различныхъ мѣстахъ—не надо спрашивать: все это только средство разыграть, подъ прикрытіемъ якобы серьезнаго труда, комедію скандальнаго характера. Можно только пожалѣть, что она дается на страницахъ, посвященныхъ дѣятельности гениальнаго русскаго человѣка. Такихъ фальшь-фейеровъ библиографической эрудиціи, освѣщающихъ пустоту—у г. Ефремова множество. Еслибы разобрать всю массу примѣчаній, собранныхъ имъ только въ двухъ первыхъ томахъ своего изданія, можно бы удивить читателя той долей натаянности толкованій, искусственныхъ выводовъ изъ самыхъ простыхъ данныхъ и посылокъ, какую они заключаютъ въ себѣ. Къ счастью его подобная, столь же обширная, сколько и бесполезная работа не скоро найдетъ охотниковъ. Добраться въ указаніяхъ и замѣткахъ г. Ефремова до истиннаго значенія фактовъ, заняться извлеченіемъ изъ этой груды всякихъ существенныхъ и пустыхъ подробностей какаго-либо серьезнаго матеріала для исторіи нашей печати—представляется дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Кажется, что г. Ефремовъ даже и рассчитывалъ на эту трудность и на сопряженную съ ней относительную безответственность для себя.

Иногда преувеличенія его и непониманіе прямого смысла того, что онъ читаетъ—поистинѣ поразительны. Тотъ же составитель „Матеріаловъ для біографіи Пушкина“ касается въ одномъ позднѣйшемъ своемъ трудѣ извѣстнаго общества „Зеленой Лампы“, чле-

номъ котораго состоялъ одно время нашъ поэтъ, и опредѣляетъ общество это, какъ простое *ориначское*, не имѣвшее никакой политической окраски, занимавшееся преимущественно театральными дѣлами и устроивавши ее у себя пиры и зрѣлища, далеко не цѣлостнаго характера. Опредѣленіе это не понравилось г. Ефремову и отразилось въ его умѣ и пониманіи слѣдующимъ образомъ: „...Анненковъ неосновательно свелъ (общ. Зел. Лампы) на степень *развратно-грязнаго и шутовскаго*, смѣшавъ его даже съ татариновской сектой (прим. 1, т. I, 539)*. Ничего подобнаго не дѣлалъ г. Анненковъ, но что нужды? Надо же помѣстить напередъ изготовленное, крѣпкое слово на предназначенное ему заранѣе мѣсто. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по отсутствію документовъ и предлога къ употребленію такого слова—оно становится затруднительнымъ, г. Ефремовъ прибѣгаетъ къ восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ этомъ родѣ весьма замѣчательна пара знаковъ удивленія, пристегнутая имъ къ словамъ г. Анненкова о кишиневскомъ посланіи поэта 1821 г. В. Л. Давыдову. Одна часть посланія, имъ же г. Анненковымъ и найденнаго въ бумагахъ поэта, была приведена имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Вѣстн. Евр. 1874, № 1), а отъ сообщенія другой біографъ отказался, ограничившись передачей стиховъ, гдѣ поэтъ извѣщаетъ о своемъ говѣніи у Инзова, и замѣнилъ все слѣдовавшее затѣмъ словами: „и такъ дайте до послѣднихъ предъловъ *глумленія*“. Передавая эти строки г. Анненкова, г. Ефремовъ сопровождаетъ ихъ двумя знаками восклицанія въ скобкахъ (Т. I, стр. 553). Что означаютъ они, какому движенію мысли г. Ефремова призваны отвѣчать? Сомнѣвается-ли онъ въ томъ, что въ минуты страсти поэтъ могъ нисходить до глумленія надъ очень важными предметами,—на это есть свидѣтельства, которыя г. Ефремовъ лучше знаетъ, чѣмъ кто-либо другой,—или г. Ефремовъ негодуетъ на непочтительное обозначеніе словомъ „глумленіе“ произведеній такого рода, какъ вышеупомянутое посланіе В. Л. Давыдову? Не легко понять редактора новаго изданія въ роли защитника, какъ и въ роли обвинителя. Но все это еще бездѣлица въ сравненіи съ тѣмъ, что является въ другихъ мѣстахъ подъ перомъ редактора новаго изданія.

Привычка подмѣнять мысли и намѣренія, встрѣчаемыя у авторовъ, тѣми, которыя приходятся болѣе по вкусу самого редактора, должна была довести его до неблагонадежныхъ заявленій. Примѣръ такого печальнаго результата бібліографическихъ розысканій г. Ефремова, мы видимъ въ примѣчаніи, которымъ онъ сопровождаетъ два знаменитыхъ посланія Пушкина „къ цензору“. Выписываемъ суще-

ственную его часть цѣликомъ: оно даетъ образчикъ всей манеры г. Ефремова относиться къ своей задачѣ редактора.

„Два посланія цензору,—говоритъ онъ,—...въ сокращенномъ видѣ явились въ VII т. изданія г. Анненкова, *который имѣлъ мужество заявить, что они подъ его рукою стали лучше, ибо очищены имъ*: „Очищенные отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и „событій, они теряютъ всякій признакъ сатирическаго или полемическаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и „высокаго пониманія одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ служеній“. Дѣйствительно, мы видѣли цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, *такъ что вся честь очистки принадлежитъ г. Анненкову*, который и заглавіе имъ далъ „Посланій къ Аристарху...“ (I, стр. 572).

Читатель уже догадывается, чего надо ожидать въ концѣ отъ позорнаго обвиненія. По справкѣ, наведенной нами въ VII томѣ изданія г. Анненкова, нѣтъ не только ничего похожаго на заявленіе, что оба великолѣпныя посланія сдѣлались еще лучше отъ выпусковъ, въ нихъ произведенныхъ, но нѣтъ еще и признака нити, которая давала бы возможность связать слова г. Анненкова съ тѣмъ толкованіемъ ихъ, которое представилъ г. Ефремовъ. Редакторъ стараго изданія 1855—57 очень сдержанно говорилъ въ своемъ примѣчаніи къ обоимъ посланіямъ Пушкина, которыя онъ первый и успѣлъ провести въ печать: „*Рѣшаемся* представить публикѣ эти два посланія, писанныя въ Михайловскомъ уединеніи 1824 и хорошо извѣстныя почитателямъ нашего поэта. Очищенные отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ“... и такъ далѣе, какъ въ цитатѣ г. Ефремова. Тутъ, очевидно, выступаетъ намѣреніе успокоить враждебныя силы, мѣшавшія до того появленію стихотвореній въ печати и успокоивающія ихъ указаніемъ на выпуски; но гдѣ же хвастовство искаженіемъ текста, будто бы произведеннымъ редакторомъ съ цѣлю его улучшенія? Мужество, о которомъ говоритъ г. Ефремовъ, гораздо болѣе проявляется у него самого, когда онъ находитъ возможность приписать подобныя намѣренія г. Анненкову. Нельзя требовать, чтобы г. Ефремовъ помнилъ, съ какими условіями печати, теперь уже неизвѣстными современнымъ писателямъ, боролся прежній издатель, но одно обстоятельство могло бы, кажется, остановить его вниманіе. Въ томъ же VII томѣ стараго изданія потребовалось замѣщеніе полныхъ именъ гг. Булгарина и Греча одними инициалами Б. и Г. въ памфлетѣ Пушкина „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б. и о прочемъ“, хотя ихъ полныя имена красовались уже на страницахъ журнала „Телескопъ“, гдѣ памфлетъ былъ впервые помѣщенъ.

Не скажетъ же г. Ефремовъ, что и это измѣненіе произошло по инициативѣ и вслѣдствіе тайнаго предрасположенія издателя къ этимъ почетнымъ лицамъ прежней русской журналистики. Впрочемъ, почему бы ему и не сказать этого послѣ всего, что мы уже отъ него слышали?—Странно только, что литераторъ, хвастающійся знакомствомъ съ мельчайшими явленіями старой періодической нашей печати, не знаетъ исторіи ея за послѣднее, ближайшее къ намъ время. Сохрани онъ какое либо понятіе о ней, онъ, можетъ быть, не сталъ бы удивляться, что „посланія къ цензору“ не могли предстать на судъ къ наслѣднику и преемнику того же самаго цензора, о которомъ въ нихъ говорится, подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ. и потребовали его измѣненія въ „посланія къ Аристарху“. Можетъ статься, онъ понялъ бы также, что произведенные выпуски изъ посланій сдѣланы по указаніямъ цензурной администраціи, видѣвшей въ этихъ образцовыхъ произведеніяхъ глубокомысленнаго, патріотическаго и *консервативнаго* характера, не болѣе какъ противоправительственную сатиру. Что касается до типографской тетради, съ которой печатался VII томъ стараго изданія, и въ которой г. Ефремовъ не нашелъ цензурныхъ помарокъ, то они и не могли тамъ встрѣтиться послѣ предварительнаго соглашенія съ вѣдомствомъ о печати на счетъ формы, какую слѣдовало придать обѣимъ пьесамъ для полученія права явиться на свѣтъ. Послѣ всего сказаннаго, спрашивается, имѣлъ ли г. Ефремовъ поводъ и основаніе къ дикому обвиненію... Оскорбительно и печально встрѣчаться съ подобными явленіями при разборѣ изданія сочиненій Пушкина.

Переходимъ къ самимъ этимъ сочиненіямъ, т. е. къ плану, принятому г. Ефремовымъ для распредѣленія произведеній Пушкина въ изданіи. Въ видѣ нововведенія, онъ отбросилъ прежнюю общепринятую редакторскую систему расчленять громадный литературный матеріалъ, оставленный Пушкинымъ, на его естественные, такъ сказать очевидные безспорные отдѣлы, въ родѣ отдѣла стихотвореній, поэмъ и драмъ, и предпочелъ другую, состоящую въ печатаніи сплошь подъ однимъ годомъ, не разбирая формы произведеній, всего, что въ этотъ годъ было создано поэтомъ. Въ принципѣ строгая хронологическая послѣдовательность не можетъ встрѣтить возраженій, но она имѣетъ тоже свои границы. Редакторъ долженъ былъ подумать о послѣдствіяхъ и неудобствахъ, какія встрѣтятся при ея абсолютномъ приложеніи къ дѣлу. И старыя изданія, принявшія раздѣленіе произведеній Пушкина на большія группы, ни мало не нарушали хронологическаго порядка, принятаго ими за основу своихъ изданій, а только облегчали читателю способъ классифицировать огромную, многостороннюю

дѣятельность поэта и легче отдавать себѣ отчетъ въ ней. Здѣсь видимъ совсѣмъ другое. Прежде всего система редактора не выдержана вполнѣ, во всѣхъ частяхъ изданія, да и не могла быть выдержана. Для этого слѣдовало бы, руководясь однимъ хронологическимъ принципомъ, рѣшиться на помѣщеніе рядомъ съ стихотворными произведениями Пушкина и произведений его въ прозѣ, перерѣзать лирическія пьесы разсказами, повѣстями, трактатами, написанными въ одинъ годъ съ ними, а потомъ начинать снова, подѣ слѣдующими годами, тотъ же пестрый полонезъ изъ всѣхъ произведений, состоящихъ на очереди въ данный моментъ. Передъ этимъ результатомъ своей системы отступилъ и редакторъ, допустивъ особый отдѣлъ прозы Пушкина. Въ самомъ зачисленіи нѣкоторыхъ поэмъ въ ряды пьесъ одного, точно опредѣленнаго года, уже есть несообразность: многія изъ нихъ, какъ „Русланъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Мѣдный Всадникъ“, „Галубъ“, писались авторомъ нѣсколько лѣтъ сряду, и объявлять ихъ ровесниками какихъ бы то ни было другихъ произведений значитъ погрѣшать неточностію, которую такъ преслѣдуетъ редакторъ вездѣ, гдѣ ее находитъ или гдѣ ее предполагаетъ. Но главная ошибка этого плана заключается въ томъ, что, по милости его, смѣшеніе важнаго съ неважнымъ, высоко-художественнаго созданія съ шуткой и бездѣлкой, не позволяетъ читателю укрѣпиться въ одномъ художественномъ настроеніи. Для того, чтобы понять, какое противо-эстетическое впечатлѣніе производитъ это нагроможденіе пьесъ, различныхъ по формѣ, въ одну кучку и другъ на дружку, достаточно указать, что подѣ 1825 г. хроника „Борисъ Годуновъ“, начатая, какъ извѣстно, еще ранѣе, помѣщается рядомъ съ „Гр. Нулинымъ“; что тотчасъ же за „Полтавою“ слѣдуетъ пародія: „Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье“, что подѣ 1829 г. поэма „Галубъ“ красуется между двумя альбомными стихками и т. д. Какъ-бы для довершенія смуты и путаницы, редакторъ присоединилъ еще къ пушкинскому тексту новооткрытыя эпиграммы, памфлетныя выходки, частныя развязныя записочки и легкія импровизаціи поэта, которыя г. Ефремовъ, за неимѣніемъ никакого другаго новаго и серьезнаго матеріала подѣ рукой, выдаетъ за важныя приобрѣтенія и помѣщаетъ въ сосѣдство со всѣми высокими проявленіями пушкинскаго генія. Послѣдствія этихъ распоряждовъ отразились на изданіи тѣмъ, что оно приобрѣло въ двухъ еще первыхъ своихъ частяхъ видъ какого-то огромнаго складочнаго магазина, какіе бывають у оптовыхъ торговцевъ, гдѣ до предметовъ первостепенной цѣнности надо добираться черезъ груды остатковъ, недодѣланныхъ или испорченныхъ вещей мастера.

Остановимся на этихъ новыхъ приобрѣтеніяхъ. Если дурно-поя-

тѣй принципъ хронологическаго порядка въ изданіи привелъ редактора къ такому неудовлетворительному результату, то другой и тоже дурно-понятый принципъ достиженія невозможно-большей полноты въ изданіи надѣлалъ ему пушихъ бѣдъ. Редакторъ не подумалъ, что полнота полнотѣ рознь и бываетъ не только не желательная, но и положительно вредная полнота для сборниковъ—та именно, которая способна помрачить установленный, всѣми признанный ликъ писателя или дать ему другое выраженіе, чѣмъ обыкновенно носимое имъ или приписываемое ему, развѣ только это измѣненіе нравственной физиономіи автора входитъ въ намѣренія самого издателя и составляетъ цѣль его сборника. Но безъ такого намѣренія перехватывать каждое слово, пущенное на вѣтеръ поэтомъ въ минуту искусственнаго воодушевленія и записанное его неразборчивыми друзьями, слѣдить за каждой его застольной импровизаціей, заниматься, какъ важнымъ дѣломъ, каждой минутной, нецеремонной его шуткой—все это уже представляется заблужденіемъ страстнаго библиографа, но не дѣломъ эстетическаго вкуса и повимація. Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченія, порывы и уклоненія Пушкина отъ прямой своей дороги, въ которыхъ онъ такъ часто раскаявался при жизни, должны были найти себѣ мѣсто въ собраніи его сочиненій, но не иначе, какъ отдѣленные отъ цѣла созданій, стяжавшихъ ему славное имя и не иначе какъ въ видѣ паразитовъ, открытыхъ на свѣтломъ фонѣ его поэзіи, и съ цѣлью поучительнаго примѣра. Здѣсь мы видимъ совсѣмъ другое. Благодаря необдуманному исканію полноты, редакторъ принялъ ихъ въ составъ изданія на однихъ правахъ съ самыми, возвышенными произведеніями поэта, какъ-бы признавая въ этихъ случайныхъ ошибкахъ его генія одну изъ принадлежностей его творчества ¹⁾.

Какъ бы ужаснулся самъ Пушкинъ, если бы могъ предчувствовать при своей жизни, что наступитъ время, когда каждая строка, сбѣжавшая съ его пера и имъ позабытая, каждое слово, сорвавшееся съ языка и преданное имъ забвенію, предстанутъ снова на свѣтъ, безъ поясненій, часто даже обезображенныя поправками и притомъ въ видѣ добавки къ его жизненному подвигу!.. Извѣстно, что Пушкинъ самъ записалъ въ тетрадахъ своихъ нѣкоторые, очень рѣзкіе и яркіе проблески своей пылкой, увлекающейся природы и записалъ, видимо, съ цѣлью сохранить передъ глазами для будущихъ лѣтъ

¹⁾ Старое изданіе 1855 поступило гораздо осторожнѣе, принявъ за правило относить къ концу года эпиграммы, записочки, шутки Пушкина, написанныя въ теченіи его.

всю прошлую свою жизнь во всей ее наготѣ. Впослѣдствіи онъ черпалъ изъ этой скорбной хроники потрясающіе мотивы для стихотвореній, въ которыхъ слышался вопль раскаянія, да, вѣроятно, при болѣе долгой жизни, рассказалъ бы по той же хроникѣ и всѣ болѣзни и страдація своей души, съ ея паденіями и возвращеніями къ свѣту въ доученіе современникамъ и потомству. Наша задача, какъ ближайшихъ его потомковъ, совсѣмъ другая; мы не можемъ слѣдовать примѣру Пушкина и приводить печальные документы его жизни, просто какъ документы, не освѣщая ихъ мыслію и оцѣнкой обстоятельствъ и среды, изъ которыхъ они выросли. Зная уже теперь вполне нравственную сущность великаго человѣка, всѣ психическіе элементы, образовавшіе его личность, всѣ благородныя стремленія его души и непогрѣшимую чистоту всѣхъ его мыслей и поэтическихъ замысловъ, мы имѣемъ право и должны сказать, что тѣ визменныя проявленія раздраженнаго, буйнаго и скандальнаго творчества, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—Пушкину *не принадлежатъ* въ обширномъ смыслѣ слова, хотя бы отъ нихъ остались несомнѣнные автографы, хотя бы они были записаны собственно его рукой на страницахъ его тетрадей. Они не выражаютъ ни настоящей его природы, ни его развитія, ни даже подлиннаго его настроенія въ минуту, когда были писаны. Они ничѣмъ не связаны съ его дѣйствительной мыслію, не имѣютъ корней во внутреннемъ его мірѣ, не отвѣчаютъ никакой склонности его ума или сердца. Всѣ они суть дѣтища броженія и замашеѣ его времени, должны считаться эхомъ того говора и шума толпы, которая слѣдила за нимъ по пятамъ всю жизнь, произведеніями таланта, невѣрнаго самому себѣ, совѣсти, измѣнившей собственнымъ своимъ началамъ. Почетъ, оказанный имъ новымъ редакторомъ, принявшимъ ихъ за серьезныя произведенія пушкинской музы, есть одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ изданія.

А почетъ оказанъ, дѣйствительно, не малый. Г. Ефремовъ нашель возможнымъ ввести въ пантеонъ пушкинской поэзіи такія пьесы, какъ „Платонизмъ“, „Еврейскѣ“, „Сиротка“, „Иной имѣлъ мою Аглаю“, „Городъ Кишиневъ“, присоединивъ къ нимъ шутки, эпиграммы, записочки въ родѣ „Съ позволенія сказать“, „Отъ всенощной вечеръ идя домой“, „Дѣдушка игумень“, „Эпитафія духовнику“, „Пародія“, „Княжѣ Хованской“ и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ подвергъ исправленіямъ, которыя потомъ сдѣлались притчей у фельетонной нашей печати (и напрасно, скажемъ мы отъ себя: передѣлки эти, каковы бы ни были, все-таки свидѣтельствуютъ о сохранившихся еще остаткахъ уваженія къ публикѣ); а у другихъ замѣнили особенно

рѣзкія слова и стихи точками,—но поправленныя и оставленныя съ одними пропусками одинаково отдають крѣпкимъ букетомъ литературнаго скандала. Переносъ ихъ изъ рукописныхъ частныхъ сборниковъ и школьныхъ тетрадей добраго стараго времени прямо на страницы своего изданія, посвященныя пушкинскому тексту, редакторъ не подумалъ, что всѣ старанія его замаскировать ихъ содержаніе, тѣмъ или другимъ способомъ, только увеличиваютъ соблазнъ и силу ядовитыхъ ихъ намековъ. Разбирать смыслъ этихъ произведеній по чертамъ, какія они сохранили еще на себѣ, просто значитъ упражняться въ неблагопристойностяхъ. Но если уже дѣло сдѣлано, то возникаетъ другой вопросъ—почему не воспользовались гостепріимствомъ редактора всѣ другія пьесы Пушкина того же рода, которыя стоятъ еще за вышеприведенными и имѣютъ право завидовать своимъ собратамъ-близнецамъ, удостоеннымъ чести занять мѣсто въ собраніи избранныхъ пушкинскихъ стихотвореній?—билетъ на входъ тоже принадлежалъ имъ по праву и во имя великаго принципа *полноты*. Вѣдь, передѣлывать ихъ и приводить, насколько то возможно, въ порядочный видъ, требуемый печатью—было не труднѣе, чѣмъ при туалетѣ ихъ предшественниковъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ необъяснимой загадкой: загадки всегда являются въ дѣятельности человѣка, который лишень яснаго представленія цѣлей, къ которымъ идетъ. Отъ одной части этихъ пьесъ, оставленной за порогомъ изданія, редакторъ отдѣлывается голословнымъ и весьма спорнымъ валовымъ приговоромъ, по которому онѣ будто бы Пушкину не принадлежатъ. Знатоки русской потаенной литературы, видѣвшіе списокъ отверженныхъ имъ пьесъ, который приложенъ былъ въ „Русской Старинѣ“ въ самому объявленію о выходѣ въ свѣтъ новаго изданія (!) (Русская Старина) 1880, т. XXVIII, іюль, с. 590) замѣтили, однако же, что приложить списокъ не значитъ еще приложить и доказательство, и что существуютъ сильныя поводы сомнѣваться въ точности этого циническаго реестра. Какъ бы тамъ ни было, но исключивъ, по своему усмотрѣнію, недостовѣрныя циническія эпистолы и проч., редакторъ добродушно принялъ въ составъ изданія нѣкоторыя подобныя имъ и уже завѣдомо Пушкину не принадлежащія, въ чемъ и принужденъ былъ сознаться. Такъ-то обманчива, ненадежна и подвижна болотная почва секретныхъ литературныхъ грѣховъ, на которую съ легкимъ сердцемъ вступилъ нашъ библіографъ, думая отыскать на ней матеріалы для сообщенія сборнику сочиненій Пушкина еще небывалой у насъ полноты. Въ погонѣ за этимъ пустымъ призракомъ г. Ефремову удалось только представить зрѣлище, по истинѣ рѣдкое даже и въ лѣтописяхъ русскаго книгопечатанія,

прославившагося, какъ извѣство, своимъ неряшествомъ. Словно по приговору какой-то Немезиды, является у г. Ефремова рядъ невольныхъ противорѣчій и промаховъ, поврупнѣе всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ посвятилъ въ своихъ примѣчаніяхъ самыя желчныя, грубыя слова, какія только у него находились въ распоряженіи. Приписавъ неосновательно Пушкину безобразную балладу „Тѣнь Баркова“, онъ прибѣгаетъ къ вырѣзѣт страницъ, на которой красовалось это стихотвореніе, и забываетъ, къ удивленію, исключить въ примѣчаніи и въ алфавитѣ ссылку на него и на страницу, уже несуществующую, гдѣ оно было приведено (Т. I, с. 511 и 576). Въ другой разъ онъ публично предувѣдомляетъ читателей о точно такой же вырѣзѣт и по тому же поводу произведенной имъ въ какомъ-то томѣ, прося ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ перепутанные листы этого же тома съ прозаическомъ текстомъ Пушкина, обмѣнивать на другія болѣе правильныя, заготовленныя ad hoc („Новое Время“, 1880). Но все это, повторяемъ, можетъ считаться еще мелочью въ сравненіи съ тѣмъ, что добытыя съ такими жертвами и катастрофами блевлые цвѣты пушкинской секретной производительности, редакторъ влилъ въ одинъ вѣнокъ съ самыми роскошными, чистыми, благоуханными цвѣтами неумирающей его поэзіи. Такъ—соблазнительныя пьесы: „Олинькѣ Масонъ“ и „Платонизмъ“ идутъ рука объ руку съ художественными антологическими: „Дорида“, „Доридѣ“, за непристойной „Къ Еврейкѣ“ слѣдуетъ, черезъ одно стихотвореніе, „Наполеонъ“; вдохновенное „къ Овидію“ соприкасается, поверхъ двухъ маленькиихъ отрывковъ, съ цинической „Иной имѣлъ мою Аглаю“, и вообще контрасты, рѣзущіе глаза, встрѣчаются безпрестанно въ изданіи и составляютъ его отличительный характеръ.

Могутъ сказать однако: такъ было и въ жизни поэта, полной контрастами, и редакторъ не виноватъ, когда по деспотическому указанію цифръ годовъ свелъ ихъ вмѣстѣ и поставилъ другъ противъ друга. Въ томъ и дѣло, что такъ не было въ жизни, что между Пушкинымъ, писавшимъ „Подражанія Корану“ и тѣмъ же Пушкинымъ, чертившимъ „Дѣдушка игумень“, лежитъ гораздо болѣе пространства и времени, хотя они и принадлежатъ къ одному году, чѣмъ показываетъ хронологическій сборникъ, гдѣ они раздѣлены одной секундой, нужной чтецу для перехода отъ произведенія къ произведенію, почему и кажутся какъ-бы слитными, да въ-добавокъ и написаны-то они двумя разными Пушкиными, не имѣющими ничего общаго между собою. Одинъ изъ нихъ, именно тотъ, котораго силится воскресить г. Ефремовъ, намъ вовсе чуждъ и носить извѣстную фізіономію своего времени, общую его сверстникамъ, какъ въ

дающимъ изъ толпы, такъ и тѣмъ, которые ничѣмъ не отмѣтили своего существованія на землѣ. Только другой Пушкинъ, тотъ, который признанъ единогласно воспитателемъ русскаго общества, мощнымъ агентомъ его развитія и объяснителемъ духовныхъ силъ, присущихъ народу — только этотъ намъ и нуженъ, а о его двойникѣ намъ достаточно общей характеристики, нѣсколькихъ сохранившихся о немъ преданій, да отмѣтки тѣхъ нравственныхъ чертъ и особенностей, которыя составляли уже общее достоянiе обоихъ видовъ Пушкина. Важное поученiе для современниковъ нашихъ, конечно, несетъ съ собой и этотъ второй, побочный, такъ сказать, типъ нашего поэта, если его изучить съ надлежащей политической и этической точки зрѣнiя, но цѣнить его бесѣду наравнѣ съ той, которая исходила отъ настоящаго, великаго Пушкина — мы уже не можемъ, а потому и ставить ихъ рядомъ кажется намъ болѣе чѣмъ ошибкой. Кто же, кромѣ дѣтей, будетъ заниматься тѣмъ, бросаемою человѣкомъ, когда передъ нимъ стоитъ самъ человѣкъ и притомъ какой! Въ предисловіи къ своему изданію, г. Ефремовъ выражаетъ сожалѣнiе, что не имѣлъ въ рукахъ рукописей поэта, но мы готовы признать это обстоятельство за большое счастье для русскои публики и литературы. Чтѣ бы случилось съ нравственнымъ образомъ Пушкина, если бы всѣ откровенiя, содержащiяся въ рукописяхъ, достигли до насъ въ комментарiяхъ г. Ефремова и черезъ посредство того способа относиться къ предметамъ изслѣдованiя, который имъ усвоенъ; мы получили бы, конечно, не изображенiе Пушкина, а кое-что другое, подъ его именемъ...

Крайнее непониманiе поэта, за изданiе котораго онъ принятъ, г. Ефремовъ обнаружилъ съ особой силой въ ужасѣ и негодованiи по случаю двойныхъ числовыхъ помѣтокъ, встрѣчающихся на рукописяхъ и стихотворенiяхъ Пушкина. Онъ пишетъ горячую диатрибу противъ стараго изданiя 1855 г., указавшаго нѣсколько примѣровъ такихъ двойственныхъ помѣтокъ, и обвиняетъ за нихъ его редактора, недосмотрѣвшаго явныхъ противорѣчiй въ ихъ цифрахъ. Не довольствуясь помѣщенiемъ диатрибы въ своемъ изданiи (т. I, с. 509), г. Ефремовъ пересылаетъ ее еще въ „Русскую Старину“, гдѣ она любезно принимается составителемъ біографическаго очерка А. С. Пушкина, который отводитъ ей мѣсто въ одномъ изъ своихъ примѣчанiй („Русская Старина“ 1880, июнь, стр. 320). Но этотъ монологъ г. Ефремова, на обличительную силу котораго онъ такъ надѣялся, сослужилъ ему предательскую службу: онъ разоблачилъ его собственное непониманiе особенностей творческой производительности Пушкина и подтвердилъ съ непререкаемой очевидностiю, что для настоящаго

пониманія мало одного собиранія и знанія библиографическихъ мелочей, ограниченныхъ, такъ сказать, произведеній русской словесности, примѣтъ и вѣшняго вида ея главныхъ памятниковъ и проч. Далѣе этого нейдетъ редакторъ новаго сборника. Не говоря уже о странности предположенія, что редакторъ стараго изданія 1855 могъ выдумать помѣтки Пушкина, имъ приводимыя, на что намекаютъ ироническія слова г. Ефремова: „въ однѣхъ и тѣхъ же рукописяхъ онъ *вычиталъ* разныя указанія“ („Русская Старина“, ib.); но какъ было не остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что этотъ редакторъ постоянно и съ необъяснимымъ упорствомъ проводитъ несходныя числовыя помѣтки Пушкина, которыя иногда расходятся между собою только двумя-тремя днями? Такъ, при „Полтавѣ“ свидѣтельствуется о двухъ пушкинскихъ помѣткахъ, 27 и 29 октября, при стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“ 2 и 5 августа, при пьесѣ „Разставаніе“ 5 и 8 октября и т. д.; чѣмъ же можетъ объясняться эта настойчивость въ показаніяхъ? Ошибаться сплошь, непрерывно, врядъ ли возможно и самому вѣтреному чело-вѣку. Можетъ статься, что г. Ефремовъ и не написалъ бы своей патетической діатрибы, если бы принялъ въ соображеніе общеизвѣстный, много разъ разслѣдованный и утвержденный фактъ, что Пушкинъ удостоивалъ числовыми помѣтками всѣ случаи и обстоятельства, сопровождавшіе какой-либо изъ его трудовъ. Онъ отмѣчалъ начало почти каждаго своего созданія и конецъ его, также какъ начало и конецъ его переписки на-бѣло, весьма часто и поправку, сдѣланную въ немъ, иногда даже время первой мысли о произведеніи. Поэтъ, видимо, имѣлъ намѣреніе сберечь про себя и для дальнѣйшихъ цѣлей своихъ память о малѣйшихъ подробностяхъ своей творческой дѣятельности, подобно тому, какъ для автобіографіи онъ записывалъ каждую свою мысль, безъ разбора, о чемъ уже было упомянуто. Знай это г. Ефремовъ, онъ не удивился бы, встрѣтивъ разныя числовыя помѣтки, которыя и не могли быть схожи, относясь къ различнымъ моментамъ и случаямъ производства стихотвореній, и не пришелъ бы въ забавное негодованіе? Гораздо болѣе правъ на удивленіе заслуживаетъ то, что г. Ефремовъ, пользовавшійся широко старымъ изданіемъ 1855 г. для существенной, объяснительной части своихъ примѣчаній, не пожелалъ на этотъ разъ обратиться къ нему за полученіемъ недостающихъ свѣдѣній о литературныхъ приѣмахъ и привычкахъ Пушкина. Тамъ онъ нашелъ бы указаніе, что существуютъ еще и *загадочныя* числовыя помѣтки Пушкина, смыслъ которыхъ очень хорошо понималъ ихъ авторъ, но ключъ къ которымъ теперь потерянъ. Въмѣсто того, онъ указываетъ на два-три типографскихъ промаха стараго изданія, на двѣ-три *явныя* описки, что могло бы

заслужить еще благодарность читателей, если бы сдѣлао было не яростно и въ болѣе скромномъ тонѣ, который приличествовалъ чело-вѣку, представившему и съ своей стороны образцы ошибокъ, вырѣзокъ и издательскихъ грѣховъ, весьма замѣчательные.

Не можемъ покинуть этого страннаго недоразумѣнія, не указавъ еще одной характерической черты въ полемикѣ, поднятой г. Ефремовымъ. Пересматривая его примѣчанія, мы набрали на курьезъ между многими другими, который заслуживаетъ сохраненія. Оказывается, что г. Ефремовъ въ собственныхъ своихъ матеріалахъ, въ документахъ, находившихся у него подъ руками, уже встрѣтилъ различныя числовыя помѣтки Пушкина, нисколько его, однако же не успокоившія его полемики, и не только что встрѣтилъ, но и самъ засвидѣтельствовалъ. Такъ стихотвореніе Пушкина „Зачѣмъ безвременную скуку“, онъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „явилось въ печати... только въ 1827, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, № 2, и перепечатано въ изданіи 1829, гдѣ отнесено *самимъ авторомъ* къ 1821 году... Между тѣмъ, въ бывшую Чертковскую бібліотеку поступилъ *собственноручный пушкинскій* оригиналъ этого стихотворенія, тоже безъ заглавія, но съ помѣткою: 1-го ноября 1826 г. Москва“ (т. I, изд. Ис., стр. 557). Кажется, свидѣтельство достаточно ясное о томъ, что Пушкинъ дѣлалъ отмѣтки на стихотвореніяхъ, по соображеніямъ, конечно весьма важнымъ и основательнымъ для него, но уже темнымъ и необъяснимымъ для насъ. Можно было думать, что имѣя передъ глазами такой примѣръ, самъ г. Ефремовъ измѣнить свой взглядъ на явленіе, поминутно встрѣчаемое въ рукописяхъ поэта, и постарается вынудить въ него, исправивъ прежнія ошибочныя заключенія. Вышло наоборотъ: заключенія остались нетронутыми, рядомъ съ фактами, ихъ опровергающими. Такъ, увидавъ, что старое изданіе перенесло извѣстную „Сцену изъ Фауста“ въ 1826 годъ изъ 1825, подъ которымъ она стояла въ пушкинскомъ изданіи 1829 года, г. Ефремовъ дѣлаетъ строгое внушеніе редактору за этотъ переносъ, прибавляя: „не могъ же Пушкинъ въ началѣ 1829 года уже забыть: въ 1825 или въ 1826 году писалъ онъ эту сцену“? (I, с. 414). Очень хорошо, но какъ же объяснить послѣ того, что черезъ нѣсколько страницъ самъ же г. Ефремовъ указываетъ на примѣръ забывчивости Пушкина, который пьесу свою „Зачѣмъ безвременную скуку“ (см. выше) отнесъ одинъ разъ къ 1821, а другой къ 1826 г. Всѣ подобныя несообразности имѣютъ одну исходную точку у г. Ефремова: онъ ведетъ кропотливые протоколы всему, что видитъ его глазъ, и уже не даетъ себѣ труда провѣрить видѣнное мыслию, понять общій смыслъ фактовъ и поискать общаго ихъ источника въ тѣхъ случаяхъ, когда

они выступают, такъ сказать, толпой, и со всѣхъ сторонъ. При болѣе внимательномъ отношеніи къ своему предмету, г. Ефремовъ убѣдился бы, что о забывчивости Пушкина или невѣрности его переписчиковъ не можетъ быть тутъ и рѣчи, а что есть очень важный вопросъ для обсужденія. За разницей числовыхъ помѣтокъ поэта скрывается всегда дѣльная, серьезная причина, а иногда загадочное число заключаетъ въ себѣ весьма любопытный творческій или біографическій секретъ, открытіе котораго именно и составляетъ прямую задачу настоящаго изслѣдователя ¹⁾...

Извиняясь передъ читателями нашими за то, что принуждены были ввести его, такъ сказать, въ лабораторію г. Ефремова, гдѣ онъ занимается выплавкой и выковкой всѣхъ тѣхъ приговоровъ, догадокъ, заключеній и обвиненій, образцы которыхъ здѣсь представлены. Не легко было и самому руководителю пробираться въ этомъ хаотическомъ смѣшеніи дѣльнаго и недѣльнаго, — до истины, до настоящаго смысла и значенія разбираемыхъ предлоговъ. Много еще замѣчательныхъ въ своемъ родѣ проявленій редакторскаго самоуправства приходилось при этомъ оставить нетронутыми на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стоятъ.

Въ заключение скажемъ, что изданіе г. Исакова имѣетъ и весьма поучительную сторону: оно можетъ считаться своего рода знаменіемъ времени въ томъ смыслѣ, что вполне обнаруживаетъ сущность направленія, принятаго одной и довольно значительною частію нашихъ дѣятелей на почвѣ исторической и біографической литературы. Это цвѣтокъ, выросшій въ школѣ тѣхъ археологовъ и изыскателей, которые, освободивъ себя отъ труда мышленія, замѣнили его трудомъ простаго собиранія документовъ, сличенія разностей между текстами, перечѣта отмѣтокъ, какія существуютъ на различныхъ актахъ, и тому подобными предварительными работами, считая ихъ за самую науку историческихъ и литературныхъ изслѣдованій и устраняя, какъ излишество, критику и оцѣнку приобрѣтенныхъ фактовъ, *по существу*. Люди эти, сдѣлавшіе себѣ призваніе изъ подбора остат-

1) Поиски за одной точностію, не осмысленной идеею и преслѣдующей мелкіе факты, приводятъ г. Ефремова, по временамъ, къ комическимъ выходкамъ. Таково примѣчаніе къ лицейскому посланію Пушкина 1815 года „баронессѣ М. А. Дельвигъ“, которой тогда было 8 лѣтъ: „Напечатано, — говоритъ онъ, — въ VII томѣ изданія г. Анненкова, и хотя подъ стихами написано время ихъ сочиненія, но вѣроятно или *поэтъ ошибся*, или годъ прочитанъ невѣрно, потому что въ первомъ же стихѣ говорится: „вамъ 8 лѣтъ, а мнѣ 17 было“. Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. — слѣдовательно 17 лѣтъ ему пробило не раньше мая 1816 г.“ (т. I, с. 518). Совершенно справедливо — поэтъ ошибся, не справившись, когда писалъ пьесу, предварительно съ метрическимъ своимъ свидѣтельствомъ; но стоило ли вооружаться справками?

ковъ недавняго прошлаго нашего, изъ механической сортировки крупиць, упавшихъ со стола общественныхъ нашихъ дѣятелей, конечно, имѣютъ право на уваженіе; но какъ бы измѣнилось достоинство ихъ трудовъ, если бы они не питали глубокаго презрѣнія ко всякимъ попыткамъ обобщать факты, извлекать изъ нихъ опредѣленіе, основываясь на внутреннемъ ихъ содержаніи, достигать положительныхъ выводовъ заключеній, опираясь на *мысль*, полученную изъ сущности и духа самихъ собранныхъ ими матеріаловъ. Отвращеніе, обнаруживаемое искателями этого рода ко всякому порядку идей и размышленій, непреодолимо. Оно преимущественно возникаетъ изъ того мелкаго резонерствующаго скептицизма, который признаетъ право на достовѣрность только за голымъ фактомъ, взятымъ одиноко, а права на званіе точнаго историческаго свидѣтельства только за подробнымъ описаніемъ формы явленія.

Изданіе сочиненій Пушкина, г. Исакова, какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ замѣткахъ своего редактора есть самое вѣрное и тщательное выраженіе качествъ и недостатковъ направленія, о которомъ идетъ рѣчь. При полномъ отсутствіи первыхъ, необходимыхъ и нужныхъ условій осмысленнаго издательскаго плана—оно отличается такимъ обиліемъ всяческихъ справокъ, указаній, свѣдѣній, что будущимъ издателямъ Пушкина, которые, полагать должно, не замедлятъ явиться, придется совѣщаться съ нимъ не одинъ разъ. Правда, что имъ будетъ предстоять нелегкій трудъ поправлять въ замѣткахъ г. Ефремова преднамѣренныя увлеченія и ошибки и пробиваться до зерна его указаній сквозь густой, удушливый, *полемическій* туманъ, въ который онъ облежъ свои комментаріи. Но самымъ труднымъ для новыхъ предпринимателей будетъ, конечно, необходимость возвратитъ сборнику сочиненій Пушкина приличный и серьезный характеръ, потерянный имъ въ теперешнемъ изданіи. При соблюденіи этихъ условій замѣтки послѣдняго могутъ очень пригодиться и войти въ составъ дѣльной классической книги о Пушкинѣ, которая исполнить свое назначеніе служить одинаково какъ юношеству, такъ и возмужалымъ людямъ источникомъ чистыхъ впечатлѣній и невозмутимаго умственнаго и эстетическаго наслажденія.—N. N.

Къ этимъ послѣднимъ заключеніямъ считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку. Справедливо, что наша исторія и біографія новѣйшаго времени страдаетъ указанными недостатками, но не должно забыть и значительныхъ услугъ, оказанныхъ имъ новыми археографами и библиографами. Не всегда они такъ мелочны. Напротивъ,

они именно вывели на свѣтъ много фактовъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ; они сдѣлали много для предварительной очистки текста писателей, собрали массу данныхъ для литературной біографіи, и т. п. Въ этомъ отношеніи несправедливо забыть и заслуги г. Ефремова: ему принадлежатъ дѣйныя работы надъ писателями XVIII вѣка (въ изданіи г. Глазунова), надъ Лермонтовымъ и Жуковскимъ (въ последнемъ изданіи). Назовемъ еще немногимъ извѣстный трудъ г. Ефремова: приготовленное имъ полное изданіе сочиненій Радищева, истребленное, въ качествѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, Лонгиновымъ, извѣстнымъ бібліографомъ—той школы, о которой говоритъ г. Н. Н.—*Ред.*

ИЗВѢСТІЯ

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ.

Въ дни празднованія открытія памятника Пушкину 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ другому гениальному писателю нашему Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генераль-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова, передъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято Государемъ Императоромъ, и Его Величество 6-го августа 1880 года Всемилостивѣйше